

Прево Габриэль

Искусство одеваться

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г12

Г12 **Габриэль П.**
Искусство одеваться / Прево Габриэль – М.: Книга по Требованию, 2022. –
130 с.

ISBN 978-5-519-79434-3

ISBN 978-5-519-79434-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Одеждѣ подчинены основные элементы челевѣческой красоты: форма и цвѣтъ; умѣло распоряжаясь ими, можно каждую фигуру облечь въ оболочку красоты.

* *

Изъ всѣхъ органовъ челевѣческаго тѣла, глазъ самый услужливый. Остальные органы находятся всегда подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности: уши поражаются звуками, пальцы—прикосновениемъ, языкъ—вкусомъ, только глаза, даже въ совершенно здоровомъ состояніи, видятъ предметы не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ а такими, какъ кажутся.

Посмотрите на желѣзнодорожные рельсы: мы знаемъ, что они лежатъ параллельно, а между тѣмъ, они представляются нашему глазу сходящимися въ отдаленіи. Въ чемъ тутъ дѣло?

Въ оптическомъ обманѣ, на которомъ основано искусство рисованія. Глазъ нашъ не только прощаетъ этотъ обманъ, но любитъ и часто даже требуетъ его. Такъ, фальшивое окно въ архитектурной постройкѣ на взглядъ пріятнѣе пустаго мѣста, нарушающаго симетрію; въ скульптурѣ и въ живописи, особенно декоративной, художники обязательно прибѣгаютъ къ извѣстнымъ приемамъ, служащимъ для обмана зрѣнія и необходимымъ для надлежащаго эффекта ихъ произведеній.

Эта способность глаза къ кажушимся представленіямъ наглядно подтверждается слѣдующимъ общедоступнымъ опытомъ.

Начертите циркулемъ два совершенно одинаковые круга и проведите по одному вертикальныя линіи, а по другому горизонтальныя. Смотри на оба круга съ нѣкотораго разстоянія, вы увидите, что кругъ, изрѣзанный вертикальными линіями, представляется удлинненнымъ оваломъ, а изрѣзанный горизонтальными линіями—расширеннымъ. Вотъ правила, имѣющія примѣненіе къ одеждѣ: вертикальныя линіи удлиняютъ, горизонтальныя—уширяютъ. /

Гусаръ въ венгеркѣ, расшитой шнурами поперекъ, щеголяетъ великолѣпною грудью; но женщина, отъ природы очень полная, не произведетъ пріятнаго впечатлѣнія на костюмированномъ балу, если вздумаетъ нарядиться въ венгерку.

* *

Искусный художникъ, посвященный во всѣ тонкости своего искусства, безъ малѣйшаго затрудненія льститъ своей модели, въ тоже время сохраняя полное сходство. Смягчая неблагоприятныя детали, подчеркивая однѣ линіи, скрадывая другія, онъ под-

водитъ подѣ условіи красоты уклоняющееся отъ этихъ условій лицо. Слишкомъ маленькіе глаза онъ увеличиваетъ, удлиняетъ вѣки; на слишкомъ низкомъ лбу поднимаетъ прическу; чрезмѣрную величину рта маскируетъ полуулыбкой; длинный носъ укорачиваетъ, опустивъ линію лба; длинную голову расширяетъ прядью волосъ, короткую—удлиняетъ плоскими бандо. Различнымъ расположеніемъ одежды и украшеній достигаются точно такія же цѣли; искусно размѣщая линіи и цвѣта, можно создавать внѣшность, отличную отъ дѣйствительности.

Измѣненія фizioноміи, съ перваго взгляда кажушіяся невѣроятными, ежедневно производятся актерами и актрисами, которымъ достаточно скопировать прическу или ужимку одного изъ своихъ товарищей для того, чтобы воспроизвести ихъ лицо вполне схоже. Примѣръ этотъ доказываетъ гибкость фizioноміи и возможность измѣнять ее почти произвольно. Остается измѣнять ее къ лучшему. Задача довольно сложная, такъ какъ одно и тоже улучшеніе не можетъ быть примѣнено ко всѣмъ: то, что идетъ одному, часто обезображиваетъ другого.

* *

Какъ ни трудно установить законы въ этомъ отношеніи, мы рѣшаемся однако признать непреложнымъ слѣдующее правило: *сущность красоты заключается въ гармоніи какъ формъ, такъ и красокъ.*

Плая кокетка внутренно желаетъ имѣть глаза г-жи А., носъ г-жи Б., лобъ г-жи В., волосы г-жи Г., талью г-жи Д., и не подозреваетъ, несчастная, что соединеніе частей, не созданныхъ одна для другой, дало бы въ результатъ ужаснѣйшее уродство, если бы исполнилось ея желаніе. Основные элементы красоты прежде всего состоятъ въ общей гармоніи чертъ лица и различныхъ частей тѣла, соответствующихъ извѣстнымъ пропорціямъ, затѣмъ слѣдуетъ гармонія индивидуальная, состоящая въ приведеніи особи въ согласованіе самой съ собою.

Начиная съ грековъ, Витрувій, Леонардъ да Винчи, Альбертъ Дюреръ, Жанъ Кузень, Винкельманъ, Шарль Бланъ и многіе другіе вычисляли пропорціи, необходимыя для общей гармоніи человѣческой фигуры. Шарль Роше ясно резюмируетъ всѣ эти вычисленія слѣдующимъ образомъ, соображаясь съ различіемъ роста мужчины и женщины: изящное туловище равняется въ вышину восемь разъ взятой вышины головы и равномерно раздѣляется на двѣ половины, но четыре головы въ каждой половинѣ.

У мужчины плечи должны быть шире таза, у женщины, наоборотъ, тазъ долженъ быть шире плечъ.

* *

Что касается *индивидуальной гармоніи*, то она заключается въ общемъ впечатлѣніи пропорціональности, цѣльности человѣческой фигуры. Всякое отклоненіе отъ этой цѣльности уже составляетъ непріятный для глазъ дисонансъ. Можно имѣть безобразное лицо, но въ тоже время обладать цѣлостью фигуры; таковъ былъ напр., Мирабо, весьма некрасивый, но представлявшій полную гармонію во всемъ своемъ обликѣ.

Всякій человѣкъ, стремящійся улучшить свою внѣшность, долженъ прежде всего заботиться объ общей пропорціональности своего тѣла. Такъ, напр., къ *хорошо сложенной* женщинѣ не идетъ мужской костюмъ. Почему? Потому что онъ скрадываетъ ростъ, подчеркиваетъ полноту, расширяетъ плечи ко вреду очертаніямъ бедръ и обличаетъ свособразность женской походки, обыкновенно маскируемой платьемъ.

Можно было бы привести несчетное множество примѣровъ добровольнаго самообезображиванія; такъ, малорослыя женщины часто неуклюже увеличиваютъ размѣры головы, переходя границы пропорціональнаго соотношенія къ туловищу; другія обтягиваютъ себѣ бедра, словно футляромъ, такимъ образомъ придавая плечамъ неестественную ширину.

Общей гармоніи можно научиться, внимательно разсматривая статуи и картины; что же касается гармоніи индивидуальной, то для достиженія ея должно изучить самое себя.

Здѣсь уже начинается область вкуса, который есть умѣнье примѣнять къ собственной особѣ общія правила искусства одѣваться.

Въ особенности близко искусство это касается женщинъ и, прежде всего, мы совѣтуемъ имъ остерегаться моды и не слишкомъ слѣпо слѣдовать ей. Мода—гибельный камень преткновенія, и всякая женщина, по нашему мнѣнію, должна стараться прежде всего быть красивой, а не стремиться „быть, какъ всѣ“.

Для примѣра, возьмемъ бывшія недавно въ модѣ шляпы съ широкими полями, заимствованныя съ картинъ Рубенса и Гогарта. Фасонъ этотъ чрезвычайно идетъ женщинамъ высокимъ, съ опредѣленными, рѣзкими чертами лица; но маленькія женщины, съ мелкими чертами и вздернутымъ носикомъ, будутъ почти каррикатурны въ такой шляпѣ.

Что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Слѣдовать модѣ, такъ какъ это необходимо, но уменьшить поля шляпы и сгладить ея изогнутыя очертанія, такъ чтобы исчезла вся несоотвѣтственность фасона на головѣ малорослой особы.

Тоже самое можно сказать относительно красокъ, потому что увы! существуютъ также *модные цвѣта*. Нѣкоторые красные и синіе тоны положительно не годятся для иныхъ лицъ. Здѣсь уже невозможны никакія смягченія и уступки; ничто не должно принудить женщину соперничать съ макомъ или походить на утопленницу.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ этихъ ужасныхъ коротенькихъ гривкахъ на лбу, придающихъ лицу идіотское выраженіе и, вѣроятно, изобрѣтенныхъ женщиною съ несоразмѣрно длиннымъ лицомъ. Для женщинъ съ круглыми лицами, эти гривки просто отвратительны. Величайшимъ препятствіемъ въ искусствѣ возвышенія красоты являются ложныя идеи о красотѣ обоихъ половъ.—Что за красавецъ! — говорятъ иногда, — онъ точно женщина!—Такіе отзывы одинаково нелестны какъ для вызывающаго, такъ и для произносящаго ихъ.

Греческій Антиной, принадлежащій уже къ періоду упадка, сложенъ такъ, что однимъ ударомъ кулака могъ бы раздробить нашихъ франтиковъ; онъ мужчина, прежде всего; у него широкія, объемистыя плечи; онъ мускулистъ, и его правильное лицо мужественно.

Чувство красоты способно къ развитію, какъ и всякое другое чувство.

Парижанка обладаетъ врожденнымъ изяществомъ и многому научается той средою, въ которой живетъ. Однако, стоитъ только выдти на улицу, чтобы встрѣтить женщинъ, совершенно безсознательно уродующихъ себя, одиѣ своею насивною покорностью модѣ, другія эстетическимъ невѣжествомъ въ формахъ и краскахъ. Такимъ женщинамъ слѣдуетъ изучать античныя произведенія скульпторовъ и художниковъ и, въ концѣ концовъ, сама мода преклонится предъ ихъ утонченнымъ вкусомъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что можно придать красоту каждому человѣку, примѣняя къ нему законы искусства, которыми руководствуются художники—скульпторы и живописцы. Украшенія и костюмъ, своимъ удачнымъ сочетаніемъ, сглаживаютъ, природныя дисонансы, составляющіе причину некрасивости, и г-жа де-Жиранденъ вполне справедливо замѣчаетъ:

Есть два рода красоты: произвольная и произвольная; природная и общественная; сотворенная Богомъ и созданная свѣтомъ; дарованная и приобретаемая.

ГЛАВА II.

Откуда берется некрасивость? Имѣемъ ли мы право быть некрасивыми?

Почти ежедневно, прогуливаясь въ деревнѣ или на многлюдныхъ городскихъ улицахъ, мы встрѣчаемъ красивыхъ бѣдныхъ женщинъ и невольно думаемъ:—Какой эффектъ произвела бы эта бѣдняжка въ любой гостиной, если бы ее хорошенько приодѣть!

Часто очень трудно самому себѣ отдать отчетъ въ подобномъ восхищеніи, предметъ котораго своею внѣшностью вовсе не соответствуетъ нашимъ понятіямъ объ изяществѣ: иногда, одежда такой личности въ лохмотьяхъ—локти прорваны, первобытный цвѣтъ матеріи слился; непричесанные волосы небрежно свернуты на затылкѣ; короткая юбка, дырявые чулки убѣждаютъ насъ въ томъ, что впечатлѣніе наше явилось независимо отъ недостатка роскоши. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣнію этому поддаются въ равной степени художникъ и свѣтскій человекъ.

Изъ этого наблюденія надъ обыденнымъ фактомъ вытекаетъ слѣдующій выводъ.

Прежде всего, будьте увѣрены, что ваша нищая, внезапно разодѣтая великосвѣтской дамой, жестоко разочаровала бы васъ. Вся ея прелесть исчезла бы; она имѣла бы неловкій, глупый видъ; *она сдѣлалась бы уродлива*; и вы стали бы спрашивать себя, почему средство, долженствовавшее возвысить красоту этой личности, напротивъ того, обезобразило ее и привело къ результатамъ, совершенно противорѣчающимъ вашимъ ожиданіямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается именно въ этой книгѣ.

Всякая красота, природная или приобретенная, состоитъ изъ существеннымъ образомъ въ гармоніи: цѣлаго и частей, обстановки и красокъ.

Проанализировавъ впечатлѣніе, производимое на васъ вышеупомянутою нищею, вы убѣдитесь, что она совершенно гармонична въ цѣломъ. И рамка также соответствуетъ картинѣ: уединенная

Что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Слѣдовать модѣ, такъ какъ это необходимо, но уменьшить поля шляпы и сгладить ея изогнутыя очертанія, такъ чтобы исчезла вся несоотвѣтственность фасона на головѣ малорослой особы.

Тоже самое можно сказать относительно красокъ, потому что увы! существуютъ также *модные цвѣта*. Нѣкоторые красные и синіе тоны положительно не годятся для иныхъ лицъ. Здѣсь уже невозможны никакія смягченія и уступки; ничто не должно принудить женщину соперничать съ макомъ или походить на утопленницу.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ этихъ ужасныхъ коротенькихъ гривкахъ на лбу, придающихъ лицу идіотское выраженіе и, вѣроятно, изобрѣтенныхъ женщиною съ несоразмѣрно длиннымъ лицомъ. Для женщинъ съ круглыми лицами, эти гривки просто отвратительны. Величайшимъ преніятельствомъ въ искусствѣ возвышенія красоты являются ложныя идеи о красотѣ обоихъ половъ.—Что за красавецъ! — говорятъ иногда, — онъ точно женщина!—Такіе отзывы одинаково нелестны какъ для вызывающаго, такъ и для произносящаго ихъ.

Греческій Антиной, принадлежавшій уже къ періоду упадка, сложенъ такъ, что однимъ ударомъ кулака могъ бы раздробить нашихъ франтиковъ; онъ мужчина, прежде всего; у него широкія, объемистыя плечи; онъ мускулистъ, и его правильное лицо мужественно.

Чувство красоты способно къ развитію, какъ и всякое другое чувство.

Парижанка обладаетъ врожденнымъ изяществомъ и многому научается той средою, въ которой живетъ. Однако, стоитъ только выйти на улицу, чтобы встрѣтить женщинъ, совершенно безсознательно уродующихъ себя, одиѣ своею пассивною покорностью модѣ, другія эстетическимъ невѣжествомъ въ формахъ и краскахъ. Такимъ женщинамъ слѣдуетъ изучать античныя произведенія скульпторовъ и художниковъ и, въ концѣ концовъ, сама мода преклонится предъ ихъ утонченнымъ вкусомъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что можно придать красоту каждому человѣку, примѣняя къ нему законы искусства, которыми руководствуются художники—скульпторы и живописцы. Украшенія и костюмъ, своимъ удачнымъ сочетаніемъ, сглаживаютъ, природныя диссонансы, составляющіе причину некрасивости, и г-жа де-Жиранденъ вполне справедливо замѣчаетъ:

Есть два рода красоты: произвольная и произвольная; природная и общественная; сотворенная Богомъ и созданная свѣтомъ; дарованная и приобретаемая.

Г л а в а II.

Откуда берется некрасивость? Имѣемъ ли мы право быть некрасивыми?

Почти ежедневно, прогуливаясь въ деревнѣ или на многолудныхъ городскихъ улицахъ, мы встрѣчаемъ красивыхъ бѣдныхъ женщинъ и невольно думаемъ:—Какой эффектъ произвела бы эта бѣдняжка въ любой гостиной, если бы ее хорошенько приодѣты!

Часто очень трудно самому себѣ отдать отчетъ въ подобномъ восхищеніи, предметъ котораго своею вишностью вовсе не соответствуетъ нашимъ понятіямъ объ изяществѣ: иногда, одежда такой личности въ лохмотьяхъ—локти прорваны, первобытный цвѣтъ матеріи слился; непричесанные волосы небрежно свернуты на затылкѣ; короткая юбка, дырявые чулки убѣждаютъ насъ въ томъ, что впечатлѣніе наше явилось независимо отъ недостатка роскоши. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣнію этому поддаются въ равной степени художникъ и свѣтскій человѣкъ.

Изъ этого наблюденія надъ обыденнымъ фактомъ вытекаетъ слѣдующій выводъ.

Прежде всего, будьте увѣрены, что ваша нищая, внезапно разодѣтая великосвѣтской дамой, жестоко разочаровала бы васъ. Вся ея прелесть исчезла бы; она имѣла бы неловкій, глупый видъ; *она сдѣлалась бы уродлива*; и вы стали бы спрашивать себя, почему средство, долженствовавшее возвысить красоту этой личности, напротивъ того, обезобразило ее и привело къ результатамъ, совершенно противорѣчающимъ вашимъ ожиданіямъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается имѣнно въ этой книгѣ.

Всякая красота, природная или приобретенная, состоитъ существеннымъ образомъ въ гармоніи: цѣлаго и частей, обстановки и красокъ.

Проанализировавъ впечатлѣніе, производимое на васъ вышеупомянутою нищею, вы убѣдитесь, что она совершенно гармонична въ цѣломъ. И рамка также соответствуетъ картинѣ: уеди-

пенное поле, пустынная стена, лѣсная опушка, или сѣрая улица, жалкіе дома... Допустите только одну единственную фальшивую ноту: надѣньте нищей повенъкую, нарядную шляпку—и восхищеніе замѣнится смѣхомъ: нарушеніе гармоніи породитъ безобразіе.

Изъ этого же примѣра можно извлечь еще одно замѣчаніе: относительно одежды и мебелировки преобладаетъ понятіе, что нельзя имѣть ничего красиваго безъ богатства, изъ чего можно заключить, что однимъ милліонерамъ доступны красивыя вещи.

Это понятіе ложное. Конечно, драгоценныя предметы, роскошныя матеріи умѣстны и приличны въ мебелировкѣ и одеждѣ; безумно было бы воспрещать ихъ; но не всегда они производятъ впечатлѣніе красоты; напротивъ того, иногда дорогія вещи поражаютъ своимъ безобразіемъ, обличающимъ у хозяевъ ихъ полное отсутствіе эстетическаго образованія; такіе люди напоминаютъ собою мужиковъ съ претензіями на ученость, пересыпающихъ свою грубую рѣчь высокопарными, громкими словами.

Простыя, не имѣющія никакой стоимости вещи, могутъ быть верхомъ изящества и цѣнности съ точки зрѣнія искусства; но цѣнность эту не должно смѣшивать съ цѣнностью выскочки—банкира, кричащаго о своихъ громадныхъ капиталахъ, которыхъ вывѣской служатъ туалеты его жены.

* *

И такъ, безобразіе существенно основывается на отсутствіи гармоніи; гармонія же есть *пріятное впечатлѣніе цѣлаго, вытекающее изъ удачнаго расположенія частностей*.

Этотъ искусный подборъ, стройная связь, вытекающіе одинаково какъ изъ контрастовъ, такъ и изъ тождественностей, составляетъ источникъ красоты и необходимы ей до такой степени, что отсутствіе ихъ вполне объясняетъ все непріятное для глаза и для ума, въ физической и моральной областяхъ.

Ребенокъ прелестенъ въ своихъ движеніяхъ и позахъ, потому что онъ не сдерживается въ проявленіяхъ своихъ ощущеній, и всѣ его жесты и тѣлодвиженія вполне гармонируютъ съ его мыслями. Человѣкъ, подъ давленіемъ нравственнаго стѣсненія и притворства, всегда некрасивъ—почему? потому что все существо его издаетъ рядъ фальшивыхъ нотъ, положительно негармоничныхъ.

Въ мастерскихъ художниковъ легко прослѣдить за всѣми градаціями этого явленія. Положимъ, что какойнибудь чело-

вѣкъ, въ порывѣ страсти, въ схваткѣ высоко взмахнулъ знаменемъ. Это движеніе, гармонировавшее съ душевнымъ настроеніемъ, восхитило художника, и онъ убѣдилъ того чело­вѣка воспроизвести этотъ жестъ въ мастерской. Все мѣры приняты для точнѣйшаго изображенія позы модели—тицетно! естественное превратилось въ притворное; высокій порывъ—въ фальшь; гармонія исчезла, а съ нею красота.

Тиціанъ наблюдалъ и писалъ на память; Горасъ Верне никогда не заставлялъ *позировать* своихъ натурщиковъ, а Жанъ Гужонъ, знаменитый скульпторъ эпохи Возрожденія, какъ говорятъ, собиралъ натурщиковъ въ своей мастерской и занималъ ихъ всевозможными играми, улавливая мимолетныя гармоническія движенія, въ красотѣ которыхъ уже не могло быть сомнѣнія.

Эти условія красоты въ положеніяхъ, жестахъ, формахъ и краскахъ, прежде всего изучались въ природѣ, потомъ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ, достойныхъ служить намъ образцами. Такимъ образомъ, хотя красота, какъ и все на землѣ, есть понятіе относительное, тѣмъ не менѣе удалось установить извѣстные неизмѣняемые законы, которые нельзя нарушить, не оскорбивъ вѣчныхъ стремленій нашей природы.

Когда нибудь ученый съ душою художника отыщетъ причину этихъ стремленій, коренищуюся въ потребностяхъ нашего духа, или иначе, въ области фізіологіи. Но эта книга пока еще въ будущемъ.

*
* * *

Желаніе быть красивымъ инстинктивно не только у чело­вѣка, но даже у животныхъ, стоящихъ на извѣстной ступени развитія. Повинуясь именно этому инстинктивному стремленію, кошка облизываетъ свою шерсть и умывается лапкой, птица чиститъ себѣ перышки, соболь приглаживаетъ свою шубку, и т. д.

Случалось ли вамъ удивляться, почему собаки лаютъ на людей въ лохмотьяхъ? Конечно, не потому что ихъ поражаетъ эксцентричный костюмъ оборванца: вѣдь не лаютъ же онѣ на другихъ людей, напримѣръ, на фокусниковъ, одѣтыхъ съ небольшою эксцентричностью, хотя совсѣмъ инаго рода. Причиною лая не могутъ быть и побои, полученные когда нибудь собаками отъ такихъ оборванныхъ бѣдняковъ, хотя этимъ очень часто объясняютъ злобное возбужденіе животныхъ; даже комнатныя собаки, не покидающія гостиную, и тѣ бросаются на оборван-

цевъ. Разумѣется, мы не станемъ утверждать смѣшную вещь, что въ собакахъ возмущается инстинктъ красоты, но тѣмъ не менѣе, весьма правдоподобно, что ихъ безпокоитъ и пугаетъ необычайность въ одеждѣ: будучи по природѣ сторожемъ, собака относится недоувѣрчиво ко всему необычайному.

Положивъ руку на сердце, сознаемся, что и мы нѣсколько походимъ на собакъ и вполне основательно. Встрѣтивъ на пустынной дорогѣ оборваннаго, растрепаннаго прохожаго, едва ли мы почувствуемъ къ нему симпатію и довѣріе; скорѣе, мы выведемъ весьма невыгодное заключеніе изъ цинической неряшливости этого субъекта и будемъ правы.

Человѣкъ, добровольно безобразящій себя, ясно доказываетъ полное отсутствіе уваженія къ самому себѣ; ему правится возмущать наше зрѣніе своею неряшливостью; онъ оскорбляетъ общественное мнѣніе, какъ извѣстно, основывающееся на внѣшности; онъ равно виновенъ въ презрѣніи къ себѣ и къ другимъ.

Нужно однако разъяснить, въ чемъ заключается долгъ быть красивымъ, обязательный для всѣхъ. Само собою разумѣется, было бы нелѣпо вмѣнять въ вину кому нибудь случайныя или прирожденныя некрасивость и уродство. Мы говоримъ лишь о произвольномъ безобразіи, которое можно устранить и которое происходитъ отъ двухъ, одинаково непростительныхъ причинъ: неряшливости и отсутствія эстетическаго воспитанія. Всѣ люди украшаютъ себя, но не всѣ *умѣютъ* это дѣлать. Дикарь, татуирующій свою кожу или продѣвающій въ носъ перо, несомнѣнно желаетъ принарядиться. Женщина, затягивающая себѣ талью или ноги, стремится къ тому же. Но и дикарь и франтиха, оба имѣютъ извращенное понятіе о красивомъ, и заблужденіе ихъ легко доказать.

*
* *

Способность понимать красоту есть свойство разума, а не воображенія, какъ это ошибочно предполагаютъ; способность эта сложная; въ ней участвуютъ воображеніе, память, извѣстная склонность къ гармоніи и порядку.

Развивается эта способность такъ же, какъ и всякая другая, и мы надѣемся, что современемъ въ числѣ предметовъ образованія будетъ включенъ и курсъ эстетики, столь же необходимой, какъ грамматика или исторія. Стыдно бываетъ за интеллигентныхъ и образованныхъ людей, своимъ костюмомъ или обстановкой обличающихъ полное незнаніе элементарныхъ законовъ